

Северное лето Арину не радовало.

Она ждала его долгие девять месяцев, то обнадёженная короткими мягкими оттепелями, то снова разочарованная завыванием свирепых ветров. Они, словно в припадке гнева, били по лицу наотмашь ледяной крупой, сердито разгоняли всех по домам, опускали ртутные столбики термометров ниже сорока градусов.

Арина постепенно смирилась с тем, что нужно постоянно носить лыжный костюм, что приходится прятать лицо в пушистый шарф, оставляя на потеху морозу одни глаза с белой бахромой ресниц.

И, когда зима стала казаться бесконечной, о себе заявила весна. Робко и несмело. Месяц сугробы медленно оседали, словно дамы в реверансе, подбирая пышные юбки — сначала белые, потом серые, — и вдруг исчезли, расплескались огромными лужами, потекли мутными ручьями, а солнце щедро поливало сверху светом настолько ярким, что все краски слились в одно слепяще-белое пространство.

Долгожданное лето обозначило своё присутствие только на календаре. Оно было размеренным, холодным, шитым из облаков, рвущихся об острые верхушки ёлок. И ветер, ветер снова дышал в лицо холодом, забавляясь, перегонял вдоль линии горизонта — от запада к востоку — огромные ватные куски туч. А когда он, наигравшись, сдул последние клочья, небо чистой синью устремилось ввысь и сразу же полиняло от внезапной жары. Город поплыл в мареве, а воздух наполнился влажной липкой духотой.

Отмахиваясь от лезущих в глаза настырных мошек, Арина всё чаще вспоминала море, свежий бриз, таинственные сказки неумолчного прибора.

Но о море приходилось только мечтать! Молодая женщина поменяла работу в разгар лета, и по воскресеньям она вместо морской набережной ходила по речному берегу, слушала резкие крики чаек и, закрывая глаза тёмными очками, пыталась обмануть себя и представить, что она на далёком южном курорте.

В коридоре административного здания было тихо и сумрачно: период отпусков в разгаре. Арина Леонидовна не сразу отыскала дверь с табличкой «Отдел правовой и кадровой работы». Надпись гласила, что здесь работают два специалиста:

Светлана Борисовна Лямкина и Юлия Ивановна Ромашкина. Ячейка начальника отдела пустовала.

Арина, тихо потянув на себя дверь, вошла в кабинет. За столом, у распахнутого настезь окна, восседала женщина с короткой старомодной стрижкой «перьями», в строгом костюме классического кроя. Полная дама увлечённо рассматривала документы и не обращала внимания на вошедшую. По неестественно прямой позе и по тому, что она поминутно вытирала лоб бумажной салфеткой, Арина Леонидовна сделала вывод, что костюмы женщина носит нечасто, а ткань, скорее всего, синтетическая. Видимо, специалист отдела принарядилась к приходу новой начальницы.

Где-то на столе зазвонил телефон. Отыскав его в ворохе бумаг, женщина нажала на кнопку приёма звонка:

— Алё! Да. Специалист по кадрам Лямкина. Да. Какие ещё остатки отпусков? Нет у вас ничего! Я откуда знаю? — оторвалась от телефона и сердито буркнула, заметив Арину: — Вам чего?

— Здравствуйте. Я — Арина Леонидовна, новый начальник отдела. Вас заместитель генерального директора должен был предупредить.

— Здравсьте! Светлана Борисовна, специалист по кадрам, — скуластое лицо женщины расплылось в улыбку, а широко посаженные глаза стали узкими щёлками. — Вот, рабочие вопросы с отпускниками решаю. Такие все умные! Всё норовят побольше дней отпуска хапнуть! Но я не даю! А работать кто будет?

Арина не поддержала беседу. Она посмотрела на единственное свободное рабочее место в маленьком кабинете: на столе громоздятся коробки, валяются бумаги, журналы. Новый руководитель отдела принялась освобождать от канцелярскогохлама кресло.

— Ой, Арина... как ваше отчество? у меня на имена память плохая... не трожьте! — высоким пронзительным голосом почти закричала Светлана Борисовна. — Это не разложено! Вот приберусь, потом сядете. А может, пойдёте познакомитесь пока с коллективом?

И Лямкина, несмотря на свою полноту, бойко выскочила из-за рабочего стола, торопливой походкой засеменила к двери и, улыбаясь и разговаривая, пухлой рукой поманила начальницу в коридор.

— Айдате! Прямо—экономисты, направо— бухгалтерия, налево—приёмная. Ну, знакомьтесь, я покамест разберусь тут,—холодный пристальный взгляд не сочетался с приклеенной к лицу улыбкой.

Позже из личного дела Светланы Борисовны Лямкиной Арина узнала, что коллега носила звание «Ветеран труда». Она всю жизнь проработала в городском потребительском обществе продавцом, а незадолго до выхода на пенсию получила высшее образование по специальности «менеджмент» и сменила сферу деятельности. Никто не мог объяснить, почему её взяли специалистом по кадрам: без опыта, без особого желания учиться новому.

Впрочем, сама Светлана Борисовна считала себя большим специалистом, особенно в области психологии общения. Понятие о психологии было у неё очень своеобразным: она задавала сотрудникам личные вопросы, а потом сплетничала обо всех, кто заходил в кабинет. Работники робели под прицелом внимательных глаз и интуитивно обходили отдел кадров стороной, решая все вопросы через заявления и появляясь в нём лишь при крайней необходимости.

Лямкиной было комфортно делать стандартные рутинные операции, а сложные задачи ставили её в тупик. Каждый день проходил в борьбе: Арина Леонидовна намечала задачи, а Светлана Борисовна их саботировала. В конце рабочего дня Арина Леонидовна чувствовала себя эмоционально опустошённой и физически ослабленной, как будто противостояние с подчинённой было не словесной перепалкой, а тяжким ощутимым бременем.

Однако, как только выдавалась свободная минутка, Светлана Борисовна оживлялась и обрушивала на руководителя поток информации.

— Арин Льнидовна,—хитро прищурившись, начинала Лямкина.—Раз мы на работе всю жисть живём, так и знать друг о друге всё должны! Вот я тётка простая, мне скрывать нечего! У меня муж есть, Паша, мой дедушка, я так его зову. Я в молодости его женила, можно сказать, на себе. А что было делать? Я его заметила на работе, а он скромный. Любила, наверное. Да. А сейчас—и не знаю. Да и какая нынче любовь? Теперь что надо? Поддерживать друг друга. В болезни и в здравии—или как там? А теперь вы о себе расскажите!

— Я разведена. Дочку воспитываю, она школьница,—сухо ответила Арина.

— И что он? Муж-то бывший? Помогает?—допытывалась Лямкина.

— Он умер.

— Да-да. Вот так живёшь-живёшь. А потом... Ну ничего, вы ещё замуж выйдете!—подмигнула густо накрашенными глазами в обрамлении голубых ресниц Светлана Борисовна.

Она смолкла на мгновение. Но тут же продолжила с неподдельным интересом:

— А кто вы по гороскопу?

— Я в гороскопы не верю,—ушла от темы руководительница.

— И зря! Вы—типичная Дева, я же вижу! Я верю и в гороскопы, и в фэншуй, и в силу слов!—лицо Светланы Борисовны приобрело очень серьёзный вид, а голос—назидательный тон.—Вот в спальне у вас есть картина?

— Да, абстракция какая-то висит.

— А надо пару!

— Что пару? Пару картин?

— Нет же! Пару лебедей или пару котиков! Для парной жизни. Тогда и замуж выйдете. А как же?!

Начальница, еле сдерживая улыбку, наклонила голову, посмотрела на своего специалиста через очки и выдержала долгую паузу. Светлана Борисовна горячо продолжала:

— И нельзя никогда говорить, что у вас всё плохо или всё отлично, если спрашивают: «Как дела?»

— Вот как?—уже не выдержала Арина Леонидовна.—А что же нужно отвечать?

— Всё ровно! Вы говорите: «Всё ровно!»—и будет всё без сучка без задоринки! Это так.

— Вы приказы напечатали?—прерывала словоохотливую подчинённую руководительница.

И Светлана Борисовна, вздохнув, неохотно шла на своё рабочее место, короткими пухлыми указательными пальцами медленно стучала по клавишам, а выполнив поручение, тут же убегала в соседний кабинет. Арине Леонидовне казалось, что если Лямкина не поделится с кем-нибудь очередной новостью, то её просто разорвёт от невысказанности.

Отношения подчинённой и начальницы всё больше напоминали театр военных действий: спокойное состояние холодной войны сменялось ожесточёнными боями. Но и на этом фронте случилось затишье: Лямкина написала заявление о предоставлении отпуска на целый месяц!

Арина Леонидовна с нескрываемым чувством блаженства поглядывала на календарь в день по несколько раз.

В последний день работы Светлана Борисовна много суетилась, собирая домой горшки с цветами.—Цветы одну руку любят,—уклончиво ответила она на предложение оставить растения в кабинете.

Когда груз был упакован, дверь приоткрылась, и Лямкина радостно замахала рукой, приглашая кого-то войти.

— Вот, Арин Льнидовна, вот он, мой дедушка, мальчишка мой худенький!—игривый тон сразу изменился на ворчливый, и она деловито всунула мужу в руки коробку.—Держи, да покрепче! Неси в машину. Чего стоишь-то? Иди давай!

Арина Леонидовна поздоровалась. Высокий худощавый мужчина, одетый не по погоде в камуфляжный костюм, смущённо кивнул головой и быстро вышел.

— Похудел чё-то. Раньше справнее был,—приздумалась Светлана Борисовна.— Да и хорошо! Не люблю толстых. Ну, до понедельника!

Лямкина залилась громким, на весь коридор, резко-пронзительным смехом. Каждый день, прощаясь, она говорила «до понедельника» и каждый день искренне хохотала надоевшей всем шутке. Арина Леонидовна кисло улыбулась, но, взглянув на календарь, от всей души пожелала коллеге хорошего отдыха.

Светлану Борисовну сменила на рабочем посту Юлечка—девушка с огромными серыми задумчивыми глазами, пепельно-русой толстой косой. Она работала быстро, без лишних вопросов, и от малейшего внимания со стороны заливалась здоровым румянцем.

Стояли прохладные дни августа. Михаил Сергеевич, заместитель генерального директора, перед рабочим днём зашёл в отдел Арины Леонидовны. Задал пару вопросов и столкнулся в дверях со Светланой Борисовной. Михаил Сергеевич, крупный моложавый мужчина слегка под сорок, необыкновенно энергичный, в смущении остановился, пропуская специалиста по кадрам, лезущего напролом.

— Здравствуйте!— громко, но не обращая ни к кому, поздоровалась Лямкина и, поставив сумку на стол, начала активно в ней что-то искать. Михаил Сергеевич оглянулся на Арину Леонидовну, в нерешительности провёл огромной ладонью по гладко выбритой голове:

— Так я жду от вас предложений после обеда, Арина Леонидовна?

— Да, Михаил Сергеевич. В два часа я подойду к вам.

Заместитель директора вышел.

Светлана Борисовна перестала копаться в своей сумке и посмотрела на начальницу сощуренными глазами, многозначительно улыбаясь:

— Так-так... неровно дышим, значит!

— Вы о чём, Светлана Борисовна?

— Дак как о чём? Запал наш Михаил Сергеевич на вас. Я ещё перед отпуском заметила, уж слишком он к нам часто заходить стал,— улыбка стала ещё слаще.

— Запомните, и больше к этой теме возвращаться не будем: я на работе романы ни с кем не завожу. И не желаю выслушивать ваши домыслы! Вам понятно?— Арина Леонидовна разговаривала резко, отрывисто.

— Как будто я не вижу,—продолжала бурчать Лямкина.— Вот вам, нате!

Она сунула начальнице и Юлечке по магнетику с изображением Анталии и пошла по кабинетам раздавать коллегам сувениры. Из коридора доносились взрывы хохота. Раздался знакомый визгливо-смеющийся возглас:

— А! Мышки-мормышки! Тоже с отпуска приехали? Это мне? Ну, спасибо!— и Светлана Борисовна, зайдя в кабинет, сменила улыбающееся выражение лица на сердито-хмурое.

Она покрутила в руках магниты, подаренные ей коллегами, и выбросила подарки в мусорную корзину.

— Что за дрянь! Терпеть эту ерунду не могу. Вот прямо бесит! Привозят из отпуска хлам, пространство засоряют. А по фэншую пространство должно быть свободным для энергии!

— Чтобы всё было ровно?— подняла голову от отчёта Юлечка, с трудом сдерживая улыбку.

— Да. Всё ровно.

— А почему вы девочек из бухгалтерии мормышками зовёте? Мормышка, кажется, имеет отношение к рыбалке?— оторвалась от срочного проекта Арина Леонидовна.

— Да? Не знаю. Слово смешное. Мышки-мормышки. Но вы правы! Серые мышки такими только прикидываются, а на них мужики и клюют! А вот вы слишком умная, Арин Льнидовна. Поэтому и не замужем. Умных не любят!— произнеся свой вердикт, Светлана Борисовна удалилась на место.

Арина Леонидовна снова не нашлась что сказать.

И это ощущение растерянности росло в ней с каждым днём. Казалось, что Светлана Борисовна, соскучившись по рабочим новостям, старалась возместить своё отсутствие удесятерённой активностью: она каждые пять минут бегала по кабинетам, громко смеялась в коридоре, раздавала направо и налево советы, отпускала пошлые шутки, в которых целомудренно не договаривала сальные слова, и игнорировала поручения начальницы.

— Ну всё, обед. Пора ням-ням!— залилась фальшивым смехом Лямкина.

В производственной столовой к Светлане Борисовне плывущей походкой приблизилась шеф-повар Лариса Григорьевна. Маленькая, кругленькая, с аккуратной стрижкой и ярким макияжем, она выглядела гораздо моложе Лямкиной. Работница общепита и бывший работник торговли могли разговаривать часами, обсуждая своих коллег. Арина Леонидовна торопливо проглатывала свой салат «Цезарь» и борщ с пампушками, стараясь не слушать увлечённой трескотни.

— Сегодня как принарядился!— кивнула в сторону столика, за которым сидел Михаил Сергеевич, Лариса Григорьевна.— Ишь ты! Пряма павлин! Причина какая есть?

Лариса Григорьевна, не отрываясь, смотрела на Арину.

— Сегодня собрание учредителей, Лариса Григорьевна,— сухо ответила Арина.

— Да?— шеф-повар переглянулась с Лямкиной.— А может, романтический вечер после работы? А?

Лариса Григорьевна и Светлана Борисовна дружно хихикнули.

— Спасибо за обед. Всё, как всегда, очень вкусно, — поспешно встала из-за стола начальница отдела. — А чай? Чай что, не будете пить? — громко, на всю столовую, закричала вслед уходящей Арине шеф-повар.

В кабинете Юлечка корпела надо документами. — Юля, почему вы не пошли на обед? — поинтересовалась Арина Леонидовна.

— Я не успеваю. Мне Светлана Борисовна документы отдала, а я ещё свои не закончила, — на глазах безответной Юлечки блеснули слёзы.

Юля сидела, испуганно вжавшись в кресло. Арина разговаривала с Лямкиной на повышенных тонах. Ровным жёстким голосом она перекрывала торгашеский речитатив, переходящий на визг, и снова спрашивала:

— На каком основании вы даёте поручение другому специалисту?

Лицо Светланы Борисовны покрылось пятнами, фразы давно лишились стройности и смысла, она выкрикивала бессвязно:

— Да как вы потом будете жить? Как вам... Вы мне в дочери годитесь! Я — ветеран труда!

И Арина сказала фразу, за которую ей было действительно стыдно:

— Или вы выполняете мои поручения, или пишете заявление на увольнение!

— Не напишу. Увольняйте по статье! — Лямкина с силой грохнула о стол папкой с документами.

Спокойным железным голосом Арина равнодушно отчеканила:

— Перестаньте ломать комедию. Идите и займитесь своими обязанностями.

Лямкина выскочила из кабинета.

До конца рабочего дня больше никто не произнёс ни слова.

И снова понесли рабочие дни, и снова Светлана Борисовна произносила каждый день банальные вещи с видом глубокомысленным и просветлённым:

— Вот так и живём. С понедельника по пятницу. Всю жисть на работе. Работа — дом — работа. И можно ведь мне пойти на пенсию. Но хочется уровень жизни иметь соответствующий. Для чего мы живём? Да чтобы работать! Матушка ты моя, да чего ж тебе надо? — переключалась она на вошедшего посетителя.

И если «матушкой» оказывался мужчина, протестующий против такого звания, Лямкина громко и фальшиво смеялась, щуря глаза в голубых ресницах.

Михаил Сергеевич по-прежнему заглядывал в кабинет, лично обсуждая с Ариной Леонидовной важные вопросы, в нерешительности потирал блестящую бритую голову и уходил, легко унося большое тело, оставляя в кабинете запах дорогого

мужского парфюма. Светлана Борисовна бросала красноречивые взгляды на начальницу, но комментировать историю взаимоотношений заместителя директора и начальника отдела не решалась.

Арина Леонидовна мучилась чувством вины. Она твердила себе каждый день, что не имела права повышать голос, грозить увольнением. Впрочем, когда подчинённая устраивала очередной акт неповиновения, угрызания совести затихали, и крепла уверенность в правильности своих поступков.

Наступил ветреный студёный февраль. Заваленная отчётами и срочными запросами, Арина Леонидовна мало обращала внимания на своих подчинённых: Юлечка работала тихо и быстро, а Светлана Борисовна всё свободное время посвящала поиску санатория, чтобы поправить своё и без того крепкое здоровье. Поэтому, поручив новое дело Лямкиной, начальница не сразу поняла, в чём дело: Светлана Борисовна громко зашмыгала носом. Удивлённо повернув голову в её сторону, она увидела, что специалист по кадрам плачет, прижимая к глазам платочек.

— Светлана Борисовна, да... что вы так близко к сердцу всё принимаете? Давайте! — она налила из чайника воды в стакан. — Выпейте, успокойтесь. Ничего страшного, вы всё успеете.

— Ой, Арин Льнидовна, я такая плакса! — миловидное широкое лицо расплылось в слезливой гримасе. — У нас ведь Скорпион скоро родится, представляете!

Арина заулыбалась:

— Ну наконец-то! Вы же так хотели, чтобы у Тани второй ребёнок родился! Я вас поздравляю! Оставьте вы свои суеверия, нет никаких Скорпионов и Водолеев, главное — у вас будет ещё один внук. Или внучка?

— Нет, зря вы не верите! — как-то резко прекратила плакать Лямкина. — Если в семье рождается Скорпион, он забирает кого-то взамен. Это такой вампир, понимаете? Он выпивает чужую жизнь! Паша скоро умрёт...

Светлана Борисовна снова стала сморкаться в платочек.

Арина Леонидовна оторопела:

— Как умрёт? Почему? Он такой крепкий мужчина, не старый совсем. Господи, да что с вами, Светлана Борисовна?! Вы верующий человек?

— Немного. Но крестом иконы вышиваю. Батюшка освящает. Недавно Троицу вышила, я на телефон фотографировала, вам сейчас покажу, — опять оживилась и перестала шмыгать Лямкина.

— Как интересно! «Троица» Рублёва?

— Какого Рублёва? Ну, Троица: Христос Спаситель, Богородица и Николай Чудотворец! Вы не знаете разве? — с чувством превосходства посмотрела подчинённая.

— Да. Наверное, — не стала опровергать начальница.
— Я долго думала, куда повесить: в спальне — лебеди, на кухне — натюрморт. Повесила в коридоре возле входа. Как раз местечко свободное, — листала фотографии в «Галерее» Светлана Борисовна.
— Вы в церковь ходите, все мысли грустные и уйдут, — положила руку на её телефон Арина.
— Да зачем?! Ведь у Паши-то рак! Умрёт он, не жалец! — разрыдалась Лямкина.

Юлечка, которая робко смотрела на всю сцену из-за монитора, решительно вскочила и подошла к коллеге:

— Светлана Борисовна! У меня сестра двоюродная уже шесть лет как раком лёгких болеет. И держится! Вы не отчаивайтесь, вы надейтесь на лучшее!
— Ему операцию назначили. На март.
— Вот и хорошо! Если оперируют, значит, шансы есть! — убеждали в два голоса Юлечка и Арина.
— Да. Но как же быть с путёвкой в санаторий? Я же билеты невозвратные взяла! — и Лямкина запричитала в голос.

Весна в этом году нагринула в начале марта. Синоптики поражали противоречащими прогнозами, Интернет пестрел сообщениями о природных аномалиях, а старожилы не могли припомнить такой ранней и тёплой весны.

Арина Леонидовна ловила себя на мысли, что, идя по улице, беспричинно улыбается: синицы тенькали заливистыми колокольчиками, в воздухе пахло огуречной и арбузной свежестью, руки приятно холодила хрупкая тяжесть тюльпанов. В первый раз Восьмое марта на работе она встречала радостно, а не отбывая повинность. Для Арины этот праздник был днём весны, а зима постоянно превращала его в продолжение февраля. Но только не в этом году! Но только не сегодня! И второй букет тюльпанов, подаренный галантным Михаилом Сергеевичем ей и Юлечке, удваивал её радость и неудержимый, юношеский восторг жизни.

Светлана Борисовна уехала в санаторий, а после взяла длительный отпуск без сохранения заработной платы. «Буду ждать, как Паша...» — вздыхала она в трубку интересующимся коллегам.

А летом Арина Леонидовна наконец-то осуществила свою мечту и уехала с дочерью на море. Юлечка работала за троих, не доставляя никому хлопот, не тревожа в отпуске начальницу.

Арина Леонидовна приехала постройневшей, загоревшей и удивительно помолодевшей. Стеснительная немногословная Юлечка на этот раз не удержалась и восхищённо сказала:

— Ой, какая ж вы красивая!

Начальница рассмеялась:

— Вот что значит правильно отдыхать! Юлечка, а не назначить ли тебе премию? За отличную работу? Михаил Сергеевич не должен возражать.

Юля почему-то покраснела и закивала головой.
— А когда же вернётся наша Светлана Борисовна? Она из отпуска без сохранения вышла?
— Я вам не стала писать, чтобы не расстраивать. У неё позавчера были похороны. Муж умер, — тихо и печально сказала Юля.

Светлана Борисовна пришла на работу через неделю. Она не изменилась внешне: короткие каштановые волосы, глаза, обедённые ярко-синим, чёрные брюки в обтяжку и легкомысленная прозрачная кофточка. Арина Леонидовна шагнула навстречу:

— Примите мои соболезнования, Светлана Борисовна. Мы с коллегами собрали... в общем, возьмите от нас. Трат у вас было достаточно, здесь небольшая помощь.

Лямкина взяла конверт, положила на стол, хотела что-то сказать и начала плакать:

— Вот ведь. Одна я теперь! Как мне жить-то? Паша мой теперь не со мной! Мы ж с двадцати лет вместе. Как же так-то?

Весь день она то успокаивалась, то снова начинала вспоминать, порой раздражалась бурными рыданиями. Никто не заметил, когда она успела позвонить в столовую, заказать Ларисе Григорьевне испечь блины. Во второй половине дня прибежала кухрабочая Даша, от которой вкусно пахло пирожками, поставила на стол блюдо с блинами, скомканно сказала слова сочувствия и убежала обратно на кухню. Необходимость действовать подняла расстроенную Светлану Борисовну с кресла. Со словами:

— Уж помяните-то Пашу, — предложила блины начальнице и Юлечке, унеся оставшиеся коллегам.

Среди гнетущей тишины раздался долгий и протяжный вздох, после чего Лямкина начала рассказывать.

— Паша-то всем угодил. Умер именно тогда, когда надо было. Ведь у Тани, у дочери, был юбилей со дня свадьбы — пятнадцать лет. А они с отцом последние десять лет не общались. Не знаю, что там у них произошло, только Таня его видеть не могла, даже к трубке не подходила, когда он звонил. Дак это понятно! И у меня отец такой же был! Нас с мамкой и братом и бил в детстве, и гонял, когда напьётся. Зато старым дедкой стал, жил уже когда один, всё меня просил: «Светочка, а ты бы меня к себе забрала!» А я как вспомню, сколько я от него натерпелась, то и скажу ему: «Живи, дедка, один! Я прихожу к тебе раз в день, тебе и хватит». Да и то сказать, он же из ума почти выжил в последнее время: то из дома уйдёт, потеряется, то целыми днями не ест, то мерещится ему, что за ним с улицы подглядывают. И чтобы я такого в свою новую квартиру с евроремонтом забрала? Нет. Одет, обут, накормлен. И хорошо. Я свой долг перед ним выполнила. Всё ровно.

Светлана Борисовна помолчала. Промокнула глаза, на которые опять набежала слеза.

— Так Таня, значит, тоже с отцом не очень. Я уж Паше говорю: ты, мол, давай помирись. А он гордый: «Пусть она первая!» Так и не помирились. Но Таня мне сказала: «Мать, если отец надумает раньше нашего юбилея умереть, ты мне не говори. Скажи позже. Нечего мне праздник портить». И ведь он всё сделал как надо! Умер на следующий день после юбилея. Такой хороший был... Хотя по молодости тоже и пил, и гулял. Но раз уж жили вместе, то всё ему прощала. А он, вредный такой, никак мне простить не мог, что я уехала в санаторий, когда ему операцию делали. А я ж разве не переживала? Конечно, переживала! Брату моему звонила несколько раз в день: как там Паша да как там Паша. Не отпуск, а мучение просто! Фотографии вы ведь ещё не видели, Арин Льнидовна? Я ж только Юльке показала!

— Да, покажете. Потом,—остановила её начальница.

Светлана Борисовна посидела молча, листая фото в телефоне:

— А фотографию на памятник ему я заказала, где он молодой. Что его старым, от болезни измученным показывать, правда? Вот он, Паша мой, мальчишечка мой!

Лямкина шумно отхлебнула из стакана, протянутого ей Ариной Леонидовной.

— Я ж покойников страсть как боюсь! А он задыхаться стал, умирать. Я позвонила в скорую, они приехали, я и говорю: «Забирайте его в больницу». А фельдшерика смотрит на меня, будто я не понимаю, и говорит: «Он уходит. Это последние часы. Может, минуты». Не забрали. Укол поставили, ему легче стало. Я тогда такси вызвала, посадила его и в больницу сама привезла. Ну не могу я с покойниками находиться. Нет, пусть лучше так! В больнице. Вот так и умер мой Паша. Как же я теперь без него? Он же ходил кота кормить. У нас, я рассказывала, избушка недалеко от квартиры—наш дом старый.

Мы там давно не живём, а огород я засаживаю. И кот в избушке живёт. Степаных. Старый, лет двадцать ему. Когда переёхали в новую квартиру, куда я его? Поцарапает мне всё. Вот Паша его десять лет и кормил, ходил каждый вечер. Каждую зиму думала: ну, отмучился Степаных! В морозы точно околеет. А нет. Он в сено закопается, тепло ему. Кто ж кормить будет ходить? Картошку выкопала уже, больше там делать нечего. Усыплю, наверное. Что мучить животное? Да. Надо же ветеринару позвонить, записаться.

И Светлана Борисовна стала набирать телефон ветеринарной клиники.

Открылась дверь, и вошёл Михаил Сергеевич. Он немного похудел, от него пахло новым дорогим парфюмом. Погладив бритую голову, он долго не находил что сказать, потом начал:

— Светлана Борисовна, я слышал про вашу потерю. Очень сочувствую,—он помолчал, потом с трудом продолжил, улыбаясь:—Может, неуместно. Но дело в том, что я женился. Я вас приглашаю в пятницу вечером в нашу столовую. Мы отмечаем нашу свадьбу—скромно, тихо. Всех пригласить в ресторан не смог, а на работе удобнее.

Лямкина оживилась, хитро заулыбалась, глядя на начальницу:

— Ох уж, Арина Леонидовна! «На работе романы не завожу!» Такого мужа отхватила! Поздравляю. — А я и не завожу,—серьёзно ответила руководительница.—Поздравьте Юлю.

Юлечка покраснела и кивнула.

Михаил Сергеевич ещё раз сказал:

— Приходите,—и поспешно вышел из кабинета.

Светлана Борисовна некоторое время обескураженно молчала, потом громко расхохоталась: — Ах ты, мышка-мормышка! Будешь теперь Князева! Ах ты, матушка моя! — и уже серьёзно добавила: — Лямкина — бурлацкая какая-то фамилия. Тоже поменяю. Через шесть месяцев можно и замуж! У меня уже два кандидата на примете есть. Надо ж пару. Надо, чтоб всё было ровно.